

ГЛАВА V.

ШЕСТЬ ЛѢТЪ НА МОРѢ.

ОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОЙ СѢВЕРНОЙ ВОЙНЫ

(1715—1721 г.г.)

По квартирамъ въ Ньюстадтѣ провели Рязанцы зиму безъ всякихъ приключеній, но за то въ усиленной работѣ, спаряжаясь въ новую морскую экспедицію. Настойчивость Царя, по пословицѣ— „куй желѣзо, пока горячо“, не знала предѣловъ. Теперь, или никогда—долженъ былъ быть вырванъ у Швеціи славный для Россіи миръ.

А прошлогодній походъ порядочно таки расшаталъ нашу утлую эскадру. Многое надлежало осмотрѣть, многое вновь изготовить, чтобы съ успѣхомъ опять броситься на опасныя морскія предпріятія. Чувствовалось также и нѣкоторое безначаліе въ полку. Нового командира долго не назначали, а старшій штабъ-офицеръ, подполковникъ, Кашперъ Фосъ, человекъ свѣжій, да къ тому же, за послѣднее время, находился внѣ строя, по дипломатической части, при канцлерѣ, баронѣ Шафировѣ.

Въ періодъ безначалія, около половины января 1715 года, возникло дѣло о наследствѣ послѣ покойнаго командира полка, Мв. Ив. Равенштейна. Дѣло это сильно возбуждало умы нашихъ главныхъ предшественниковъ и оставило драгоцѣнный матеріалъ, касающійся частной жизни, погибшаго два столѣтія тому назадъ, геройской смертью, командира Рязанцевъ.

Нѣкто, шляхтичъ, Александръ Глѣбовскій донесъ Генеральному Комисарству нижеслѣдующее:¹ „Рязанскаго полка, полковникъ

Равенштейнъ на баталіи, на морѣ, убитъ въ прошломъ 1714 году, и послѣ его осталось пожитку на Котлинѣ острову, у дѣвки Катерины, и всѣ пожитки запечатаны и нынѣ у Генеральнаго Комисарства. Да еще сверхъ тѣхъ пожитковъ оная дѣвка Катерина задержала у себя перстень съ алмазомъ, три запонки алмазныя, двѣсти червонцевъ, восемьдесятъ талеровъ, сто рублевъ серебряныхъ, шпагу, ефесь серебрянный, кубокъ серебрянный, три чары серебрянныхъ, пузументу съ кафтана серебряннаго, 12 рубашекъ швабскаго полотна, 6 галстуконъ кисейныхъ, 12 паръ манжетовъ, въ томъ числѣ двѣ пары съ кружевомъ, штука кружева, а въ той штукѣ 12 аршинъ, кисейнаго полотна 6 аршинъ, мѣдный котелъ ведра въ три, другой котелъ, мѣдный же, ведра въ два, горшокъ мѣдный въ кружку, два блюда большія, пять талежей оловяныхъ. А она дѣвка Катерина живетъ на дворѣ морскаго флоту, у поручика, Ивана Хартмана, и шпагу съ серебряннымъ ефесомъ отдала ему, поручику Хартману“.

По такому доносу Комисарство потребовало „оную дѣвку Катерину выписать и пожитки возвратить“. Допрашивались, конечно, и наши офицеры, но дѣло неожиданно было прекращено вслѣдствіе представленія Катериною подлиннаго письма покойнаго командира. Письмо помѣчено 20-мъ іюля 1714 года, въ Гельсингфорсѣ.

„Дѣвица Катерина!“ начиналось оно,² „когда сіе письмо Вамъ въ добромъ здоровіи вручится, объ этомъ мнѣ радость будетъ. И ради того, что я совсѣмъ на Васъ надѣюсь и мои животы Вамъ покидаю и приказываю. Да послалъ я съ господиномъ полковникомъ Толбогономъ (?) сто рублевъ денегъ, а которые деньги въ запечатанномъ мѣшкѣ, да изволь отъ него принять на содержаніе, кормъ лошадямъ и деньщикамъ. Да прошу изволь мнѣ писать, какъ Васъ у поручика Хартмана держать, и когда Вамъ противности отъ него будутъ объ этомъ мнѣ отвѣтствовать безъ опасенія. Прошу, изволь надѣ моимъ, какъ надлежитъ, смотрѣть. А которое въ прошломъ годѣ Вамъ сулилъ, того нынче буду держаться, а когда вѣсти обо мнѣ будутъ, что я мертвый буду, тогда изволь мои животы себѣ взять и поѣзжай куда тебѣ Богъ прикажетъ. Пребываю слугою Вашей—фонъ Равенштейнъ“.

Между тѣмъ, къ веснѣ, состоялось назначеніе полковника Андрея Томаса сына Юнгера командиромъ полка. Въ собственно-ручной сказкѣ,³ такъ излагаетъ свое происхожденіе и прошлую службу четвертый по счету представитель Рязанцевъ. „Въ прошломъ 1636 году, іюня 12-го, выѣхалъ дѣдъ мой Ерувальдъ Юнгерь во Всероссійское государство, въ Москву, поручикомъ, изъ Шкоцкой земли, съ посланниками—съ Филипусомъ Брузиюсомъ и съ Оттомъ Брузимономъ, а отца моего, также и мое рожденіе въ Москвѣ. Въ службу написанъ я по указу Его Царскаго Величества въ 1697 году и въ томъ же году по разбору боярина Алексѣя Семеновича Шеина пожалованъ въ прапорщики. А съ того времени, сдѣ былъ въ Его Царскаго Величества службахъ, или акціяхъ, и противъ непріятеля, и черезъ какія ранги произошелъ до нынѣшнія моей степени, и отъ кого, явствуетъ ниже. Въ 1697 году былъ подь Азовомъ; въ 1700 году пожалованъ изъ прапорщиковъ въ поручики, отъ господина генерала Артамона Михайловича Головина; въ томъ же году былъ подь Нарвою; въ 1701 году пожалованъ изъ поручиковъ въ капитаны, отъ господина генерала и кавалера фельдмаршала В. П. Шереметева; въ ономъ же году былъ подь Ригею; въ 1702 году былъ подь Слюсенбургомъ; въ ономъ же году по Именному Его Царскаго Величества указу пожалованъ въ майоры и былъ подь Банцами; въ 1705 году былъ въ Польшѣ и въ Курляндіи подь Нитавою; въ 1708 году по Именному указу пожалованъ въ подполковники; въ 1709 году былъ подь Опошнымъ; въ томъ же году былъ подь Полтавою; въ 1711 году былъ при турецкой акціи; въ 1715 году по Именному Его Царскаго Величества указу изъ подполковниковъ Гренадерскаго полка пожалованъ въ полковники и получилъ патентъ съ подписаніемъ Его Царскаго Величества собственной руки и печати. Помѣстія и вотчинъ за мною никакихъ нѣтъ. Великаго Государя денежнаго жалованія получаю чю двадцати четыре рубля въ мѣсяцъ“. Короткій этотъ послужной списокъ, который, по нынѣшнему, умѣстился бы на многихъ листахъ, свидѣтельствуетъ о полковникѣ Юнгерѣ, какъ о боевомъ командирѣ, прошедшимъ, съ самаго начала, суровую школу Петра. Андрей Юнгерь явился достойнымъ заступителемъ благороднаго Равенштейна.

Съ прибытіемъ командира полка спѣшнѣе пошла знакомая теперь работа снаряженія лодокъ, галеръ и, 15-го мая, Рязанцы несутся уже по волнамъ Ботническаго залива, направляясь въ Або. Главное начальство имѣлъ князь Мих. Мих. Голицынъ, который не разъ уже водилъ нашъ полкъ къ побѣдамъ. Но операціи 1715 года на морѣ приняли характеръ болѣе рекогносцировочный, наблюдательный. Занявъ позицію у Або, Рязанцы, на лодкахъ островскихъ, то выдвигаются до Аланда и обратно, то плывутъ среди шхеръ на сѣверъ, до Вазъ и Нью-Карлеби. Только два раза, 13-го іюня и 13-го іюля, полкъ, въ составѣ всей галерной эскадры, выходитъ въ море на встрѣчу транспортнымъ судамъ съ провіантомъ, идущимъ изъ С.-Петербурга, подъ командою г.-л. Брюса и полковника Шкота.⁴

Доставка провіанта обошлась благополучно, безъ встрѣчи съ непріателемъ, также благополучно нагружены галеры и, 4-го августа, полкъ, въ сопровожденіи флота, вышелъ изъ Або, держа курсъ къ Аландскимъ островамъ.

Въ теченіи августа и сентября Рязанцы посѣтили все острова Аландскаго архипелага. Шведовъ нигдѣ не было видно.

Наступила, какъ всегда, ненастная, бурная осень. Изъ С.-Петербурга получился указъ: гребному флоту идти на зимовку въ Або, выдѣливъ часть эскадры для набѣга на шведскую сторону.

Князь М. М. Голицынъ отобралъ тогда 15 лучшихъ галеръ, на которыя посадилъ сборныя отъ полковъ команды, поручилъ надъ ними начальство г.-м. Балку, а самъ, съ остальными, тронулся въ обратный путь. Какой величины команда отъ полка направлена была въ набѣгъ—свѣдѣній не сохранилось,—во всякомъ случаѣ, не больше роты. Достоверно извѣстно только, что при командѣ нашей состояли офицеры: подпоручики—Никита Быстряевъ и Степанъ Батюшковъ. Переплывъ Аландскаго Гаффа, мимо Сигнильскеръ, галеры г.-м. Балка высадили десантъ на стокгольмской сторонѣ; и началось опустошеніе ближайшихъ къ берегу селеній.⁵ Набѣгъ не могъ долго продолжаться. Зима прекратила всякія морскія операціи. Такъ закончился походъ 1715 года, почти безъ потерь для полка. Утонулъ лишь одинъ рядовой, да безъ вѣсти пропалъ одинъ. За то, тяжелая морская служба, и теперь, не замедлила

сказаться. Отъ трудовъ и лишеній померли: капитанъ-поручикъ Тихменевъ, прапорщикъ Никита Шевалдинъ и 214 ч. нижнихъ чиновъ. Огромная убыль эта пополнена всего 96 человекъми.⁶

Зимняя стоянка въ Або продолжалась до 24-го мая 1716 года. Въ этотъ день, Рязанскій полкъ, въ составѣ эскадры генераль-адмирала, графа, Ф. М. Апраксина, отплылъ на Аландскіе острова. Высадившись на Аландѣ, Рязанцы, на утлыхъ островскихъ лодкахъ, совершаютъ оттуда рядъ набѣговъ на Скандинавскій полуостровъ. Въ первую очередь, въ отрядѣ бригадира фонъ Менгдена, они предають огню окрестности у Стѣклянаго маяка, во вторую — полкъ, съ г.-м. Чекинымъ, ходитъ подъ Каянбургъ, повсюду оставляя за собою пустыню.⁷ Изъ экспедиціи 1716 года не вернулось въ ряды полка 12 человекъ, померло же отъ болѣзней 176 человекъ, въ томъ числѣ поручикъ, Петръ Жуковъ.⁸ Военныя дѣйствія, какъ всегда, окончились съ наступленіемъ поздней осени. 6-го октября полкъ былъ уже обратно у города Або, гдѣ расположился на зимнихъ квартирахъ. 1717 годъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова годомъ отдыха для полка. Видно значительная убыль въ рядахъ не мало тому способствовала. У Або Рязанцы пополняютъ некомплектъ рекрутами и людьми изъ раскасованныхъ полковъ, которые, различнаго состава партіями, прибываютъ изъ Россіи въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ. Всего принято такимъ образомъ было 237 человекъ нижнихъ чиновъ.⁹ Изъ старшихъ офицеровъ товарищей, въ томъ же году, оставили полкъ: секунд-маіоръ, князь, Григорій Мышецкой и капитанъ Константинъ Караваевъ. Мѣста убитыхъ заняли: переведенный съ производствомъ въ преміеръ маіоры, Гренадерскаго полка, Лаврентій Барыковъ и присланный „изъ ваканціи“ капитанъ Павловъ. Что же касается огромной въ полку смертности среди нижнихъ чиновъ, то, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о мѣрахъ и способахъ пользованія заболѣвшихъ. Судя по отчету отъ 22-го іюля 1717 года, надо полагать, что, признанные неизлечимо больными, отправлялись въ тылъ арміи, по крайней мѣрѣ, такихъ препровождено изъ полка въ С-Петербургъ 7 человекъ. Съ вопросомъ о больныхъ тѣсно связана другая — о довольствіи полка. По уставу 30-го марта 1716 года, въ чужой землѣ, чинамъ полка отпускались, такъ называемые, порціоны и раціоны. Раціоны только офицерскимъ чинамъ, порціоны

всѣмъ безъ исключенія, отъ полковника (50 порціонъ), до солдата (1 порціонъ). Одинъ порціонъ составлялъ въ день: хлѣба 2 ф., мѣса 1 ф., вина 2 чарки, пива 1 гарнецъ; на мѣсяць—соли 2 ф., крупы $1\frac{1}{2}$ гарнца. Сверхъ того, по квартирамъ, сервизъ, т. е. укусъ, дрова, свѣчи, постель.¹⁰ Судя по такой дачѣ, люди должны бы были считаться достаточно обезпеченными, но, съ другой стороны, война на морѣ и шведскомъ побережьи велась при такихъ исключительныхъ условіяхъ, въ такой бѣдной, пустынной странѣ, что никакой законъ не могъ помочь горю. И подобный взглядъ безошибоченъ. Достаточно было полку провести 1717 годъ на сушѣ, какъ смертность понизилась сразу болѣе чѣмъ на 50%. Состоя теперь на половину изъ рекрутъ и старыхъ солдатъ изъ раскасованныхъ полковъ, никогда не видавшихъ моря, Рязанцы наврядъ ли годились къ сложнымъ морскимъ эволюціямъ. А въ такомъ точно положеніи были и многіе другіе полки. Неудивительно поэтому, что военныя дѣйствія пріостановились. Полкъ, 4-го августа, вышелъ въ шхеры только для „генеральной экзерциціи“, а оттуда прибылъ въ Або и зимовалъ. Морскимъ экзерциціямъ посвятили Рязанцы также и слѣдующій 1718 годъ. Осмотрѣнный бригаднымъ командиромъ инспекторскимъ смотромъ, причемъ оказалось, что оружье попорчено, а негодныхъ вещей не имѣется, полкъ, 25-го іюня, на галерахъ, поплылъ въ шхеры. Вскорѣ, со стороны Гангуда, съ полками лейбъ-гвардіи прибылъ Государь „и чинены были многія экзерциціи“. Видно прошлогодня занятія не пропали даромъ. Петръ Великій вполнѣ остался доволенъ войсками. Самъ, лично, выбралъ Онъ изъ полка 1 капрала, 10 рядовыхъ въ гвардію,—затѣмъ, отбылъ въ С.-Петербургъ, а мы вернулись на зимовку въ Або.¹¹ На царскомъ смотрѣ, кромѣ того, отобрано еще 50 человекъ во флотъ, въ матросы, да отданъ въ высшую морскую науку рядовой Андрей Жирновъ. Такая убыль чувствительной не оказалась. Въ Або полкъ засталъ, прибывшихъ на укомплектованіе, 124 ч. рекрутъ; число смертныхъ случаевъ, отъ болѣзней, было всего 40.¹²

Подготовленный 2-хъ лѣтней практикой къ морской службѣ, молодой составъ Рязанскаго полка съ нетерпѣніемъ ожидалъ весны 1719 года, когда, наконецъ, можно будетъ помѣриться съ врагомъ А на 1719 годъ дѣйствительно предположенъ былъ въ большихъ

размѣрахъ набѣгъ на шведскіе берега. И лишь только очистилось море отъ льда, флотилія Рязанцевъ, 31-го мая, направилась въ шхеры. Въ Лемляндской гавани, на Аландѣ, выжидалъ полкъ прибытія Государя съ корабельнымъ флотомъ, а когда, наконецъ, подошелъ Великій нашъ Царь, все двинулось черезъ проливъ на шведскую сторону. Подобнаго погрома, какъ въ 1719 году, не испытывали еще берега Скандинавіи. Ухтомъ—Брукъ, Левста—Брукъ, Форсъ-Маркъ-Брукъ, Остъ—Гемаркгофъ—Грунтъ—вотъ пункты пощещенные Рязанцами къ ужасу ихъ обитателей.

Начальникъ отряда г.-м. Лессіи, въ своемъ донесеніи адмиралу Апраксину, отъ 9-го августа, такъ описываетъ дѣйствія полка въ эти памятные дни:¹³ „ходили до Гефле, и какъ по берегамъ, такъ и по островамъ мѣстечки и желѣзные заводы и деревни пожгли и разорили. А будучи при Гефле, осматривали непріятельскую батарею, которая учинена на блокгаузѣ, что миновать ее невозможно, такожъ послали взять языки, которые единогласно сказывали, что въ Гефле два генерала шведскихъ Гамалтонъ и Аренфельдъ и при нихъ регулярнаго войска 3 тысячи и многое число вооруженныхъ мужиковъ и мѣщанъ. Къ тому же, въ тѣхъ мѣстахъ, ожидали сикурсъ 600 человекъ. Тогда, съ общаго совѣта со штабъ-офицеры положили, дабы въ азартъ себѣ не допустить и возвратиться назадъ старымъ трактомъ, и чтобы по берегу, и по островамъ достальныя деревни и поселки, хлѣбъ въ поляхъ дожигать. Въ пути будучи, имѣли съ непріателемъ двѣ акціи: одну при Форсъ-Маркъ-Брукъ, противъ берегу, гдѣ стоялъ шведскій генераль-маіоръ, два полка драгунъ и нѣсколько вооруженныхъ было мужиковъ, но которые, съ Божьею помощію, изъ засѣкъ, избѣ и заводовъ выгнаны, и все выжжено и разорено. И отбито у непріятеля 9 пушекъ, 3 чугунныхъ и 6 мѣдныхъ малыхъ. Другая акція была при Левста-Брукахъ съ генераломъ же шведскимъ, который имѣлъ при себѣ регулярнаго войска 600 ч., и драгунъ, и 300 вооруженныхъ мастеровыхъ людей, и 900 мужиковъ съ ружьями. И оною изъ засѣкъ и съ поля сбили; и тѣ заводы были отъ берегу въ полторы мили, выжгли, разорили. И отбито у непріятеля 7 пушекъ чугунныхъ, изъ которыхъ непріятель билъ по насъ на той акціи“. О потеряхъ полка свѣдѣній нѣтъ,—извѣстно только, что при Левста-Брукахъ раненъ въ шею; и въ плечо на вылетъ

поручикъ Яковъ Смолинъ. Въ то же время, незначительная часть полка, съ бригадиромъ Левашовымъ, выжгла безъ остатка мѣстечки: Долероннартесь, Нордкапингъ и Никепингъ. Такъ все разоря, наши не забывали и себя, по крайней мѣрѣ, въ донесеніяхъ значится, что изъ мѣстечка Нордкапингъ взято и нагружено на карбусъ Рязанцевъ, поручика Плешова.¹⁴ а) плить мѣдныхъ большой руки 30; б) плить мѣдныхъ средней руки 76; в) плить мѣдныхъ малой руки 46; г) половинокъ плить большихъ и малыхъ 15; д) кусковъ мѣди большихъ и малыхъ 22; е) гирь мѣдныхъ большихъ и малыхъ 2. Берега Швеціи полкъ оставилъ 15-го августа; 19-го числа былъ на Аландскихъ островахъ.

Строго говоря, боевая дѣятельность Рязанцевъ этимъ и закончилась. Въ 1720 году, полкъ, съ 24-го апрѣля, хотя и плаваетъ въ шхерахъ, доходить до острова Экерне, но уже 9-го мая галеры поворачиваютъ назадъ и 17-го числа останавливаются на гельсингфорскомъ рейдѣ. Послѣ незначительнаго отдыха, Рязанцы слѣдуютъ далѣе къ С.-Петербургу.

Великая Сѣверная война видимо приближалась къ концу. Убѣдясь въ полной невозможности продолжать борьбу, шведское правительство все болѣе и болѣе склонялось къ миру, а начатые еще въ августѣ 1717 года переговоры, хотя и сильно затягивались, но благополучный исходъ былъ несомнѣнный.

Съ половины сентября 1720 года войска Финляндскаго корпуса стали уже на винтеръ квартиры, но въ занятіи ихъ военныя соображенія, какъ видно, не большую играли роль. „Финляндскому корпусу быть въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ нынѣ есть“, писали изъ Государственной Военной Коллеги,¹⁵ добавляя впрочемъ, на всякій случай, дабы каждый полкъ сталъ такъ „штѣобъ изъ своей квартиры безъ конфузїи и въ добромъ порядкѣ выступить могъ въ незапный походъ“. Рязанскому полку однако, какъ извѣстно, не пришлось провести зиму во враждебной странѣ. Оставивъ Гельсингфорсъ, полкъ, 21-го іюня, прибылъ и расположился въ С.-Петербургѣ. Пребываніе въ столицѣ, на этотъ разъ, ознаменовалось происшествіемъ достойнымъ быть отяѣченнымъ. Вскорѣ послѣ прибытія въ Петербургъ, а именно 2 го іюля, убѣжалъ изъ полка рядовой Савелій Лоцининъ. По наведеннымъ справкамъ, оказалось,

что Лоцининъ удалился подь охрану полномочнаго посла польскаго, объявивъ себя лицомъ польскаго происхожденія, а слѣдовательно не подлежащимъ несенію службы въ русскихъ войскахъ. Маневръ самъ по себѣ грубъ. Лоцининъ былъ природный русскій, уроженецъ города Бѣлева, но это не помѣшало завязаться цѣлой дипломатической перепискѣ. Объясненіе командира полка, представленное Военной Коллегіи, надо полагать, возымѣло свое дѣйствіе, и мнимый полякъ водворенъ былъ обратно въ ряды полка, хотя все дѣло, получивъ не заслуженную огласку, причинило много хлопотъ и непріятностей.¹⁶ Такимъ образомъ, 1720 годъ, канунъ окончанія войны, не отличался ни выдающимися военными дѣйствіями ни событіями крупнаго характера во внутренней жизни полка, тѣмъ не менѣе, для насъ, носителей славы петровскихъ Рязанцевъ, онъ долженъ быть особенно памятенъ по богатому наслѣдію, оставленному въ видѣ полковыхъ списковъ и офицерскихъ сказокъ. Какъ извѣстно, несчастное сраженіе подь Муръ-Мызою и Прутскій походъ сопровождались пропажею и уничтоженіемъ всѣхъ полковыхъ дѣлъ со времени сформированія полка вплоть до 1711 года. Послѣдовавшій затѣмъ походъ въ Финляндію, безпрестанныя передвиженія и служба на морѣ не могли благопріятствовать систематическому ходу канцелярской работы въ томъ видѣ, какъ мы это сейчасъ понимаемъ. Все дѣлалось на скорую руку, и большая заслуга полкового писаря, стараго Рязанца, Ивана Мусатова, что удалось ему, разбросанные записки по разнымъ книгамъ и вѣдомостямъ, сохранить въ цѣлости въ теченіи полныхъ тревогъ девяти лѣтъ.¹⁷ Но стихла гроза войны. Наступили болѣе спокойные времена, а съ ними и возможность разобраться въ накопившемся матеріалѣ. Результатомъ предпринятыхъ работъ была книга, помѣченная 20-го марта 1720 года, обнимающая собою всѣ перемѣны, какъ въ личномъ составѣ полка, такъ и въ матеріальной его части, за время съ 1711 по 1720 годъ. Одновременно съ этимъ, офицерами полка представлены были такъ называемые сказки, въ которыхъ каждый изъ нихъ собственноручно описалъ прохожденіе службы и степень участія своего, а слѣдовательно и полка въ событіяхъ великой войны. Этимъ послѣднимъ онъ особенно и драгоцѣнны, позволяя возстановить, хотя отчасти, утраченное до 1711 года, прошлое полка. Конечно, достоинство сказокъ, не говоря уже

о строгомъ повелѣніи Царя писать правдиво и обстоятельно, вопреки зависимо отъ индивидуальной способности каждаго отдѣльнаго лица, но, въ общемъ, онѣ составляютъ богатый матеріалъ, въ особенности сказки—командира полка, полковника Юнгера, капитановъ: Кишкарина, Голодецкаго и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ. Замѣтить необходимо однако, что полную картину отдаленнаго прошлаго могли только дать сказки офицеровъ безсмѣнно находившихся при полку съ первыхъ шаговъ его службы на боевомъ поприщѣ, но изъ такихъ, въ разсматриваемое время, былъ только одинъ, капитанъ Кишкаринъ, прочіе же, какъ—адъютантъ Вылузгинъ, писарь Мусатовъ, капитанъ Лизицкой, подпоручики: Баклашовъ, Дурбенева, Быстряевъ, Чаплыгинъ и прапорщикъ Васильевскій, начали службу въ полку съ первыхъ дней его сформированія, но въ званіи нижнихъ чиновъ.¹⁸ Коснувшись личнаго состава полка, нельзя обойти молчаніемъ нижнихъ чиновъ его. И такъ, къ концу великой войны, какъ видно изъ полковой книги, въ Рязанскомъ полку состояло: 36 нижнихъ чиновъ срока службы 1700 года, 22 рядовыхъ и 5 нестроевыхъ съ 1703 года.¹⁹

Между тѣмъ, въ ожиданіи развитія событій, тихо текли дни въ С.-Петербургѣ. Наступилъ и 1721 годъ, а съ нимъ признаки скорого мира стали еще явственнѣе. Моментъ, когда придется утереть потъ съ лица, былъ даже ближе, нежели можно было предполагать. 11-го іюля послѣдовалъ указъ: „полки Финляндскаго корпуса притянуть изъ Финляндіи, а за дальними походами занять имъ квартиры поближе, а полки здѣшніе двинуть дальше въ Россію“. Такая смѣна однихъ частей другими, потребовала много разнообразнѣйшихъ предварительныхъ распоряженій, и только къ концу августа объявлены зимовые квартиры—Рязанскому полку въ Новгородѣ и уѣздѣ.²⁰ Въ разгаръ приготовленій къ походу, уже не для боя, а ради отдыха и спокойствія, пришло давно ожидаемое извѣстіе о заключеніи 30-го августа славнаго и почетнаго мира. Миръ ребята! миръ! возвѣстилъ народу Петръ I радостное событіе, навсегда утвердившіе за Россіей ея величіе.

22-го октября, простые, деревянные стѣны Троицкаго собора въ С.-Петербургѣ впервые огласились кликами войскъ и народа: „да здравствуетъ Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій! Отецъ

отечества!“ Провинціи: Лифляндія, съ островами Эзелемъ и Даго, Эстляндія, Ингерманландія, часть Финляндіи съ Выборгомъ, Корелія съ Кексгольмомъ присоединены къ Россійской имперіи. Впервые славяне послѣ обычнаго отступленія своего передъ германскимъ племенемъ на востокъ, къ стѣнямъ, повернули на западъ и заставили нѣмцевъ отдать себѣ часть береговъ сѣвернаго моря, которое стало было нѣмецкимъ моремъ. Вотъ каковы были плоды великой 22-хъ лѣтней войны, въ которой полкъ нашъ съ самаго начала до конца принималъ дѣятельное участіе, оставивъ намъ, потомкамъ своимъ, честную, незапятнанную славу. Будемъ же помнить, что величіе, могущество Россіи приобрѣтены кровавыми трудами лучшихъ сыновъ ея, среди которыхъ старые, петровскіе Рязанцы занимаютъ не послѣднее, а славное и видное мѣсто.

Мы видѣли, что полкъ нашъ окончательно принялъ тотъ видъ, какой и донынѣ имѣеть, въ то время, когда грозный непріятель поставилъ себѣ рѣшительною цѣлью низвести Россію въ разрядъ третьестепенныхъ державъ, въ періодъ трудныхъ обстоятельствъ военнаго времени. Отсюда очевидно, что первые, прочныя положенія нашего устройства вытекали изъ боевой жизни и были взяты нашимъ Великимъ Организаторомъ Петромъ I непосредственно изъ указаній боеваго опыта. Некогда было обдумывать, а тѣмъ наче перенимать готовые иноземные порядки. Рязанскій полкъ—это чистѣйшій русскій самородокъ. Иноземное принималось настолько, насколько это соотвѣтствовало гениальному уму Царя. Все создавалось постепенно, примѣняясь къ обстоятельствамъ и впоследствии обращалось въ опредѣленные уставные случаи. Первый систематическій уставъ Петра Великаго появился только въ 1716 году, а сколько до него было побѣдъ надъ лучшими въ Европѣ войсками? Слѣдовательно, уставъ этотъ свель въ общій сводъ правила обычай, и частныя предписанія, данныя Государемъ до 1716 года.²¹ Главный видъ строя, съ первыхъ временъ устройства полка былъ строй развернутый, какъ выше сказано, въ шесть шеренгъ. Одиночное образованіе состояло въ обученіи нижнихъ чиновъ ружейнымъ приѣмамъ, стрѣльбѣ, вздваиванію шеренгъ и рядовъ. Ружейные приѣмы состояли изъ слѣдующихъ: на плечо, на карауль, къ ногѣ, положи мушкетъ къ заряду, отъ дождя и на погребеніе. Гренадерамъ, кромѣ того, были особые приѣмы для за-

жиганія и бросанія гранатъ. При ружейныхъ приѣмахъ соблюдалось относительное однообразіе въ самыхъ общихъ и дѣйствительно необходимыхъ чертахъ. Всѣ перестроенія ограничиваются простѣйшимъ типомъ, необходимымъ для дѣйствія оружіемъ и движенія. Въ то время, когда вопросы эти въ Западной Европѣ отличались варварскою сложностію, у насъ обученіе солдатъ было только полевое—„яко въ самомъ бою“. Въ періодъ 1706—1708 г. г. строй измѣненъ изъ шести въ четырехшереножный, и тогда же изданъ замѣчательный указъ—обучать старыхъ солдатъ, не такъ какъ новобранцевъ, „ибо оныя того грандуса уже миновали, но обучать, какъ въ бою поступать, сначала... на полѣ дѣлать порознь, а потомъ наки вкупѣ, яко и въ самомъ дѣлу.“ Основы одиночнаго обученія состояли: 1) въ стройной, не спѣшной стрѣльбѣ, чтобъ не спѣша набивали, „ибо многажды видимъ, что какъ ракеты изъ мѣшкетовъ шепеньемъ патроны выстрѣливаются. А то все отъ спѣху чинится, который весьма въ семь дѣлъ не потребенъ, коли наче вредителенъ есть;“ 2) въ добромъ прицѣливаніи, справнымъ швенкованіемъ, а затѣмъ „въ наступленіи и отступленіи, въ отступленіи линіи, захватываніи у непріятели фланкій и прочимъ воинскимъ оборотамъ.“ Важнѣйшимъ однако условіемъ для успѣха въ бою ставилась нравственная подготовка. Изъ собственныхъ словъ Императора, изъ инструкціи Нарышкину, видно что уставное обученіе считалось только вѣтвью будущихъ плодовъ; корень же всему, „всему мать—есть, безконфузство; ибо сіе едино войско возвышаетъ,“ т. е. твердая рѣшимость сойтись грудь съ грудью, нравственная подготовка части. Дѣйствительно, правила нравственныхъ устоевъ поражаютъ развитіемъ подробностей сравнительно со строевыми. Офицерамъ указывалось: кто побѣжитъ изъ нижнихъ чиновъ лишитъ живота, если солдаты побѣгутъ, офицеры остаются при тѣхъ, кто остался, безразлично, по родамъ оружія, „хотя конные при пѣхотѣ, или пѣхота при конницѣ.“ Наравнѣ съ простѣйшими правилами обученія развивалась и своеобразная внутренняя жизнь полка. Первенствующимъ свойствомъ ея было то, что каждый чувствовалъ себя тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ полкомъ. Поступая въ полкъ, солдатъ зналъ, что онъ пробудетъ въ немъ всю жизнь, что отнынѣ здѣсь его домъ, его отчина; внѣ полка жизнь его могла быть только жизнью бѣлаго солдата; онъ зналъ

также, что старость его будетъ обезпечена, что въ болѣзняхъ и при увѣчьи онъ не останется безъ помощи. Полкъ не былъ искусственнымъ соединеніемъ различныхъ людей, связанныхъ только службою. Главная масса нижнихъ чиновъ набиралась изъ однороднаго, русскаго, земледѣльческаго класса, гдѣ возникалъ и крѣпкъ національный духъ. Эти же черты были свойственны и офицерской средѣ, которой еще до поступленія въ полкъ принадлежала власть надъ населеніемъ, изъ котораго выходила масса нижнихъ чиновъ. Не смотря однако на это, дисциплина покоилась не на однихъ только сословныхъ отношеніяхъ. Случайность происхожденія играла незначительную роль. Офицеру предъявлялся цензь нравственный и образовательный. Право на чинъ давало знаніе съ фундамента солдатскаго дѣла и коллективная аттестація всѣхъ офицеровъ полка. Этого же требовалось и при каждомъ повышеніи.

„Понеже во всей арміи офицеры, какъ вышніе, такъ и нижніе на вакансіи производятся“, говоритъ указъ 14-го апрѣля 1714 года,²² „того для, повелѣваемъ, когда вакансія будетъ, то производить тѣхъ, который ближе достоинъ; буде же оный не есть достоинъ той саржи, то хотя и ниже его, однакожъ достойнаго; и такимъ образомъ оберъ-офицеровъ за свидѣтельствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ того полка, а штабъ-офицеровъ за свидѣтельствомъ всей дивизіи генералитета и штабныхъ офицеровъ, что тотъ, который производится на вакансіи, той саржи достоинъ; при этомъ же объявляется, чтобъ выбирали ни для какой страсти, но правдою, а ежели сыскано будетъ, таковыя лишены будутъ своихъ пожитковъ и чести“. Дальнѣйшія затѣмъ въ этомъ направленіи узаконенія, все болѣе и болѣе стремились къ упорядоченію важнаго вопроса о производствѣ, и не рѣдко случалось, когда человѣкъ, добравшійся уже до высшихъ степеней, возвращался къ солдатскому званію, если чины имъ добыты были не по заслугамъ.²³ Знаніе дѣла ставилось выше всего и уже въ 1721 году встрѣчаемъ такое повелѣніе Царя, собственноручно имъ начертанное:²⁴ „зѣло нужно, дабы офицеры знали инженерство, буде не все, то хоть часть онаго, ибо случается, кто когда откомандированъ бываетъ въ даль, или на какой постъ, гдѣ надлежитъ оборону сдѣлать, а инженеровъ не всегда въ такія малыя дѣла посылать, такожь когда нужда позываетъ вдругъ около всего войска сдѣлать траншеи, то гдѣ ин-

женерамъ около всего войска сію работу въ нѣсколько часовъ исправить, а когда офицеры знаютъ, то по данной диспозиціи, или гдѣ въ отлучкѣ, то разъ оное исправить могутъ, того для, объявить всѣмъ оберъ и унтеръ офицерамъ, чтобъ инженерству учились, а особливо, которые 25 лѣтъ и моложе, съ такимъ объявленіемъ: что сихъ лѣтъ ежели не будутъ знать, а особливо нижеписанной нужной части, тотъ не будетъ произведенъ выше изъ того чина, въ которомъ онъ обрѣтается“. Нужнѣйшая часть инженерства была: „1) пять частей арифметики, а по самой крайней нуждѣ хоть одна нумерація; 2) планъ, геометрію, со всѣми циркульными приѣмами; 3) масштабъ, по которому-бъ могъ чертить на бумагѣ и послѣ перевести на землю, къ дѣлу; 4) шанцы полевые съ грунть рисомъ, фасомъ, фланговъ, куртинъ, ихъ дефензію и профилемъ; 5) циркумъ валанціоны и контръ валанціоны съ ихъ дефензію и профилемъ и фейтъ батарею.“ Впослѣдствіи, подобное требованіе предъявляемо было уже не только офицерамъ, но и нижнимъ чинамъ, желающимъ быть впродъ офицерами.²⁵ А что не мертвою буквою оно оставалось, а, напротивъ, продолжало развиваться даже при ближайшихъ приемникахъ Великаго Царя видно изъ дѣла прапорщика нашего полка, Ивана Жилинна, который два раза подвергался испытанію въ инженерной наукѣ, и только послѣ засвидѣтельствованія его твердыхъ познаній оберъ-директоромъ надъ фортификаціею, генераломъ Минихомъ, удостоился получить патентъ на свой чинъ.²⁶

Совершенствуясь въ знаніи военнаго дѣла, офицеръ, кромѣ того, такъ-же какъ и солдатъ, былъ связанъ службою до самой смерти. Среди рядовыхъ было къ тому же много дворянъ и это смягчало рѣзкость черты, отдѣлявшей солдатъ отъ офицеровъ, создавая солидарность безъ различія положеній. Живя среди солдатъ и съ ними, офицеръ точно также чувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ остального мира, искалъ и находилъ въ полку все необходимое. На таковыхъ основаніяхъ покоились зачатки жизни полка въ эпоху многолѣтней, тяжелой войны. Теперь Рязанцы вступали въ новый періодъ своей исторіи со старымъ, но полнымъ доблести и славы прошлымъ. Это то прошлое, въ связи съ прочностью фундамента, заложеннаго рукою Великаго Царя, создало ту нравственную силу, которая, изо дня въ день развиваясь, позволяла полку

стойко встрѣчать и честно выдержать не одну грозную бурю. А ихъ не мало, какъ увидимъ, сулило въ будущемъ Провидѣніе.

Въ наружномъ видѣ полка, ко времени окончанія Великой Сѣверной войны, перемѣнъ не произошло. Только указомъ 9-го февраля 1720 года установлено наконецъ единообразіе въ мундирной одеждѣ для нижнихъ чиновъ: кафтанъ съ воротникомъ, оторочкою пестель и подбоемъ краснымъ; камзолъ и штаны красные; галстукъ и чулки бѣлые.

Съ полнымъ сознаниемъ свято исполненнаго передъ Царемъ и Россією долга оставляли Рязанцы дорогія для нихъ по боевымъ воспоминаніямъ мѣста.

Прощай Финляндія! Прощайте незабвенные товарищи, мирно покоящіеся во вражеской землѣ и на холодномъ днѣ моря! Нылѣ нѣтъ печали! Нылѣ Русь со своимъ Царемъ празднуетъ, торжествуетъ побѣду!

Сто семьдесятъ вереть, отдѣлявшія полкъ отъ назначенныхъ въ Новгородѣ зимовыхъ квартиръ, это не походъ, — это шествіе побѣдителей. Повсюду пѣсни и всеобщее веселіе.

Прощены въ эти дни всенародной радости: осужденные на штрафы за разныя вины, кромѣ дѣлъ государственныхъ и смертоубійства. Всемъ офицерамъ полка разрѣшены полугодовые отпуска „въ дома свои, и куда, ради исправленія собственной нужды“, съ подраздѣленіемъ ихъ на двѣ очереди.²⁸ Таковыми же отпусками могли воспользоваться, за поругами, желающіе солдаты и урядники изъ шляхетства.²⁹ Милость Царя никого не обошла. Одновременно съ разведеніемъ арміи по новымъ квартирамъ состоялся указъ:³⁰ совокупить драгунскіе полки съ пѣхотными и росписать по дивизіямъ и бригадамъ. Определеніемъ Военной Коллегіи, впредь до особаго распоряженія Его Величества, Рязанцы вошли въ составъ 4-й дивизіи, генерала, князя, Голицына, состоящей изъ 12 пѣхотныхъ и 11 драгунскихъ полковъ. Высшую команду надъ пѣхотою въ дивизіи принялъ генераль Минихъ, при бригадирахъ—фонъ Мегденъ и Левашевъ.³¹

Въ Новгородѣ, по частнымъ домамъ, полагая на каждую душу по 2 человекъ солдатъ, расположился полкъ широко и зажилъ привольно. Но на долго ли?

Неутомимый Императоръ создавалъ новые планы и съ лихорадочною носибшностью стремился выполнить ихъ, какъ бы предчувствуя, что не много осталось Ему поработать на пользу Россіи. Еще не успѣлъ умолкнуть громъ битвъ, не остыли еще жерла пушекъ, какъ властною рукою намѣчаетъ Онъ уже войскамъ работы къ предбудущему году: „1) начать рогорвикъ; 2) фортецію на Ботлинѣ островъ; 3) каналъ отъ Екатерингофа къ Стрѣльнѣ; 4) шлюзы у пороговъ. Додѣлать каналъ Большой отъ Ладоги до Шлительбурха.“³² А тамъ, дѣла Дальняго Востока, отсроченныя Сѣвверною войною, по не забытыя Государемъ, не даютъ Ему покоя.

Отлично сознаеть Петръ Великій насколько подыметъ благосостояніе возлюбленной Россіи, когда она станетъ посредницею въ торговлѣ между Европою и Азіею.

Грандіозные планы Императора, къ выполненію которыхъ призываются Рязанцы, повліяли самымъ кореннымъ образомъ на жизнь ихъ во всеѣхъ отношеніяхъ.

Непродолжительной оказалась новгородская стоянка. Въ концѣ ноября 1721 года стало извѣстно, что—Великій Государь указалъ: „изъ 20 пѣх. полковъ бывшаго Финляндскаго корпуса, ради облегченія здѣшнихъ мѣстъ въ квартирахъ, командировать изъ каждаго полку по половинѣ людей и офицеровъ въ Ярославль, въ Тверь, въ Романовъ и въ прочія тамошнія мѣста, кои близъ Волги, гдѣ пристойно.“³³ Это зародышъ будущаго Низоваго корпуса. Но нашлось дѣло и другой половиной, коей, указомъ 8-го декабря, повелѣно, къ будущему лѣту быть на Ладожской канальной работѣ.³⁴

Немедленно приступлено къ выполненію данныхъ повелѣній. По всеѣмъ частямъ полковаго управленія пошла усиленная дѣятельность. Времени оставалось не много, въ особенности для той части полка, которая, еще въ первыхъ числахъ декабря, должна была выступить на Волгу, въ г. Ярославль.³⁵ Вопросъ о ея сформированіи игралъ здѣсь первостепенную роль. Высочайшій указъ 27-го ноября, расчленивъ полкъ на двѣ равныя половины, не оставлялъ въ прежнемъ составѣ его баталіоновъ; онъ повелѣвалъ только—изъ каждой роты, капральства, взять по половинѣ нижнихъ чиновъ,

штабъ и оберъ-офицеровъ и, такимъ образомъ, вновь создать 4-хъ ротный баталіонъ. Не менѣе хлопотъ вызывало снабженіе ихъ знаменами, аммунициєю, палатками, всякими другими полковыми вещами и подъемными лошадьми, что производилось, опять таки, въ томъ же порядкѣ. Гораздо проще и съ несомнѣнной пользою для службы раздѣлены были офицеры. Такъ, изъ 20 полковъ Финляндскаго корпуса, для командованія баталіонами назначались: изъ одного полка—полковникъ, изъ другого подполковникъ и т. д., та же степень старшинства соблюдалась и въ ротахъ, въ отношеніи оберъ-офицеровъ. „А вмѣсто взятыхъ“, говоритъ указъ 27-го ноября, „въ тѣхъ полкахъ и ротахъ управлять нижнимъ, напр. съ какого полку возьмется полковникъ, то тѣмъ полкомъ имѣеть командовать подполковникъ, а вмѣсто его,—преміеръ маіоръ и т. д.“ Подобное распредѣленіе, уравнивая число старыхъ, опытныхъ офицеровъ, дало вмѣстѣ съ тѣмъ возможность, въ послѣдствіи, соединить баталіоны разныхъ полковъ въ болѣе крупныя части, не нарушая важнаго принципа старшинства, которое высоко цѣнилъ Императоръ Петръ I-й.

Результатомъ всѣхъ этихъ распоряженій, такъ быстро, и такъ рѣзко измѣнившихъ весь установившійся строй, было сформированіе изъ полка 2-хъ отдѣльных баталіоновъ,³⁶ причемъ офицеры распредѣлены слѣдующимъ образомъ.³⁷

Въ 1-мъ баталіонѣ, назначенномъ къ выступленію на Волгу, въ Ярославль: командиръ полка, полковникъ, Андрей Томасовичъ Юнгеръ; адъютантъ, Иванъ Андреевъ Взлугинъ; квартирмейстеръ, Иванъ Андреевичъ Дороховъ; полковой профось, Ефимъ Ларионовичъ Леоновъ. Капитаны: Даниилъ Ивановичъ Павловъ, Никита Герасимовичъ Голодецкій, Иванъ Михайловичъ Безобразовъ, Григорій Тихоновичъ Лизинской. Поручики: Михаилъ Ивановичъ Дюрбенева, Степанъ Петровичъ Батюшковъ, Даниилъ Андреевичъ Булавинъ, Иванъ Мартыновичъ Володимірцевъ. Подпоручики: Павелъ Алексѣевичъ Посниковъ, Баклашевъ, Быстряевъ, Поповъ. Прапорщичи: князь, Иванъ Петровичъ Юсуповъ, Степанъ Алексѣевичъ Толкачевъ, Иванъ Самойловичъ Грибуповъ, Прокофій Ивановичъ Коневъ. Полковой лѣкарь, Готфридъ Остманъ.

Во 2-мъ баталіонѣ, временно оставленномъ въ Новгородѣ: подполковникъ, Кашперъ Кашперовъ Фось; премьеръ маіоръ, Лаврентій Ларіоновичъ Брысковъ; адъютантъ, Семень Петровичъ Плехово; фискаль, Иванъ Михайловичъ Саврюковъ; полковой обозный, Павелъ Петровичъ Горбуновъ. Капитаны: Алексѣй Ларіоновичъ Вилмасовъ, Павелъ Ивановичъ Робертъ, Иванъ Артемьевичъ Кишкаринъ. Капитанъ-Поручикъ, Василій Яковлевъ Ярославовъ. Поручики: Степанъ Богдановичъ Вышеславцевъ, Адамъ Адамовичъ фонъ Гаузинъ, Павелъ Терентьевичъ Поповъ, Савва Емельяновичъ Жуковъ. Подпоручики: Алексѣй Ивановичъ Дюрбеневъ, Василій Константиновичъ Караваевъ, Семень Ерофеевичъ Щербаковъ, Иванъ Андреевичъ Чаплыгинъ. Прапорщики: Федоръ Евдокимовичъ Москалевъ, Евгенийъ Федоровичъ Василевскій, Федоръ Федоровичъ Волоховъ, Петръ Гавриловичъ Кошнаревъ.

Такъ раздѣленному Рязанскому полку судьба уготовила два пути,—различныхъ по внѣшности, но общихъ по цѣли: одинъ вель къ обезпеченію силою оружья русской торговли на берегахъ Каспійскаго моря, другой—къ соединенію этого моря искусственнымъ сооруженіемъ съ только что добытымъ моремъ Балтійскимъ. Горячо прощались оставшіеся въ Новгородѣ Рязанцы съ командиромъ полка и товарищами 1-го баталіона. Въ то время никто не предполагалъ, что прощались на вѣчную разлуку, что никогда уже не придется уходящимъ вернуться въ родную Рязанскую семью.

